

1

На этот раз я осознаю это — осознаю с уверенностью, которая заставляет мое горло сжиматься от паники и которая хватается за мое сердце и сдавливает его до тех пор, пока оно не выбивается из своего нормального ритма. На этот раз я явно не успеваю.

На этот раз слишком жарко. На этот раз слишком ярко и слишком много дыма.

Домашняя пожарная сигнализация надрывается, причем звучит она не как обычный зуммерный сигнал, а как пронзительный крик *тебе крышка, если ты не предпримешь что-нибудь прямо сейчас!* Я не знаю, как давно она сработала, но для меня уже слишком поздно. Со всех четырех сторон моей спальни ко мне подступает обжигающий — как из плавильной печи — жар. Везде вонючий черный дым, который подпалывает волосы в моих ноздрях и заполняет легкие. Оранжевые языки пламени мечутся по потолку надо мной и пляшут вокруг моей кровати, щелкая и потрескивая, едва ли не в едином ритме — такое насмешливое стаккато. Со стороны это выглядит не как сплошной огонь, а как множество отдельных языков пламени, действующих согласованно, и они, появляясь и исчезая, плюясь искрами и хихикая, как бы говорят мне: «На этот раз слишком поздно, Эмми, слишком поздно...»

Окно. У меня все еще есть возможность прыгнуть с кровати с левой стороны и побежать к окну — единственной части спальни, к которой еще могу добраться. Смертоносный огонь подступает ко мне со всех сторон, кроме окна, тем самым как бы подталкивая меня: «Ну, давай, Эмми, беги к окну, Эмми...»

Это мой последний шанс, и я знаю это, но не хочу даже думать о том, *что* произойдет, если у меня ничего не получится. Я не хочу даже думать о том, что мне нужно *морально*

готовиться к тому, что я почувствую боль. Мне будет больно в течение всего лишь нескольких минут (хотя от этой боли я буду скрежетать зубами и извиваться в конвульсиях), а затем жар уничтожит мои нервные окончания, и я больше ничего не буду чувствовать. А может — и так, наверное, будет для меня лучше, — я умру от того, что надышусь ядовитого угарного газа.

Терять мне нечего. Но и вообще ничего не предпринимать я не хочу.

Языки пламени начинают лизать мое стеганое ватное одеяло. Я сбрасываю ноги на пол, соскакиваю с матраса и бегу — шаг, другой, третий, четвертый — к окну. Из моего горла вырывается панический и какой-то детский визг — как тогда, когда мы с папой играли на заднем дворе в догонялки и он уже почти настигал меня. Я опускаю плечо и ударяю им в оконное стекло, зная, что окно специально сконструировано так, чтобы стекло *невозможно* было выбить, — и, заорав так, что мой ужасный неистовый вопль заглушает звуки сигнализации и потрескивание пламени, я отскакиваю от окна и сразу падаю обратно в беснующийся жар. Я говорю себе: «Дыши, Эмми, вдыхай ядовитый газ, не позволяй пламени сожрать тебя живой, *дыши...*»

Вдох. Я делаю вдох...

— Черт побери! — произношу я, не обращаясь ни к кому, в своей темной и отнюдь не охваченной огнем комнате.

Мои глаза щиплет пот, и я вытираю их футболкой. Я знаю, что мне лучше не двигаться сразу же, и я лежу неподвижно, пока мой пульс не становится нормальным, а дыхание — ровным. Я бросаю взгляд на радиочасы, и их светящиеся прямоугольные цифры сообщают мне, что сейчас половина третьего ночи.

Сны — штука коварная. Вы думаете, что вы что-то преодолели, вы работаете над этим снова и снова и говорите себе, что вам уже лучше, вы *стремитесь* к тому, чтобы вам было лучше, вы поздравляете себя с тем, что вам становится лучше. А затем ночью вы закрываете глаза, перемещаетесь в другой

мир, и вдруг ваш собственный мозг шлепает вас по плечу и говорит вам: «Знаешь что? Тебе вовсе не лучше!»

Я делаю один долгий выдох и тянусь к выключателю. Когда я включаю свет, везде вокруг меня — огонь. Он запечатлен на различных фотографиях, висящих на стенах моей спальни, и фигурирует в лежащих стопками у стен кратких справках о происшествиях и отчетах о них инспекторов. Эти происшествия — пожары, приведшие к чьей-то смерти в различных уголках Соединенных Штатов: Хоторн, штат Флорида; Скоки, штат Иллинойс; Сидар-Рапидс, штат Айова; Плейно, штат Техас; Пидмонт, штат Калифорния...

И, конечно же, Пеория, штат Аризона.

Их в общей сложности пятьдесят три.

Я иду вдоль стены и быстренько разглядываю фотографии, запечатлевшие все эти пожары. Затем направляюсь к своему компьютеру и начинаю открывать сообщения, присланные по электронной почте.

Пятьдесят три — это те, о которых я знаю. В действительности же их, несомненно, больше.

Этот тип останавливаться не собирается.

2

Я пришла к «нашему Дику». Вслух я этого не говорю, но именно это имею в виду.

— Эмми Докери пришла к мистеру Дикинсону, — говорит по телефону секретарша. — Просит ее принять.

Эту женщину, сидящую за письменным столом у входа в кабинет Дикинсона, я раньше никогда не видела. На бейджике у нее на груди написано «ЛИДИЯ», и выглядит она как раз как какая-нибудь Лидия: коротко подстриженные каштановые волосы, очки в черной роговой оправе и обтягивающая шелковая блузка. В свободное время она, наверное, пишет сонеты. У нее дома, наверное, три кошки, и она, наверное, любит индийскую еду, которую считает настоящим кулинарным шедевром.

Мне не следует быть такой язвительной, но меня раздражает осознание того, что появился кто-то новый и что-то изменилось с тех пор, как я ушла, и что из-за этого я чувствую себя чужаком в офисе, в котором добросовестно проработала почти девять лет.

— А вам назначена встреча с директором, госпожа... Докери?

Лидия поднимает на меня насмешливый взгляд. Она прекрасно знает, что никакой встречи мне не назначено. Она знает это, потому что ей звонили из вестибюля, чтобы узнать, разрешить ли мне зайти сюда. Она просто напоминает, что, пустив сюда, мне, так сказать, сделали одолжение.

— С директором? — спрашиваю я с напускным замешательством. — Вы имеете в виду заместителя директора по вопросам уголовных преступлений, кибербезопасности, быстрого реагирования и деятельности служб?

Да уж, я могу быть сукой. Но ведь начала-то первой она, а не я.

Лидия заходит в кабинет к «нашему Диду», и я абсолютно спокойно жду, когда она оттуда выйдет, потому что я не стояла бы здесь, если бы «наш Дик» не согласился со мной встретиться.

Он заставляет меня ждать, что очень на него похоже, но двадцать минут спустя я все же вхожу в его кабинет. Темные деревянные стены, а на них — почетные грамоты, дипломы, личные фотографии и тому подобное. У «нашего Дика» очень высокое — хотя и абсолютно не оправданное — мнение о себе.

Джулиус Дикинсон с его неизменным загаром, зачесом, закрывающим лысину, лишними десятью фунтами¹ веса и вкрадчивой улыбкой жестом предлагает мне сесть на стул напротив него.

— Эмми, — говорит он с фальшивым состраданием в голосе, но его глаза при этом блестят. Он уже пытается вывести меня из себя.

¹ Один фунт равен приблизительно 450 граммам. (Здесь и далее примеч. пер.)

— Вы не ответили ни на одно из моих электронных писем, — говорю я, садясь на стул.

— Да, действительно, не ответил ни на одно, — произносит он, даже не пытаясь оправдываться за то, что игнорировал меня.

У него в этом нет необходимости: ведь он босс, а я всего лишь один из рядовых сотрудников. Более того, сейчас я, черт побери, даже и не полноценный сотрудник — я сотрудник, который находится в неоплачиваемом отпуске и карьера которого запросто может быть прекращена человеком, сидящим в данный момент напротив меня.

— А вы их хоть читали?

Дикинсон достает из ящика своего стола шелковую тряпочку и начинает протирать очки.

— Я их просмотрел, и этого было достаточно, чтобы понять, что речь идет о серии пожаров, — говорит он. — Пожаров, являющихся, по *вашему* мнению, делом рук гениального преступника, которому удалось подстроить все так, что эти пожары кажутся никак не связанными друг с другом.

В общем-то да.

— Что я прочел *полностью* — так это статью, напечатанную недавно в «Пеория таймс» — местной газетенке, выходящей в одном маленьком городке в Аризоне, — добавляет он с кислой ухмылкой.

Он берет со стола распечатку этой статьи и начинает читать вслух отрывки из нее:

— «По прошествии восьми месяцев с момента гибели сестры Эмми Докери в результате пожара в жилом доме она все еще продолжает заседать на полицейское управление Пеории, пытаясь убедить его в том, что смерть Марты Докери была не случайностью, а убийством». А-а, вот еще: «Доктор Мартин Лэзерби, заместитель судебно-медицинского эксперта округа Марикопы, настаивает, что все признаки, выявленные экспертами, явно свидетельствуют о том, что смерть в данном случае наступила в результате случайно начавшегося пожара». Но больше всего мне понравилось вот это